

Чукарькова Ольга Владимировна

**ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ КАК ОСНОВА ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ
КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В настоящей статье рассматривается экспрессивность языковых единиц разных уровней в аспекте ее связи со звукоизобразительностью языка с точки зрения плана выражения и создания так называемой фонетической коннотации, возникающей на основе фонетики текстов, написанных посредством фоностилистических приемов. На конкретном языковом материале показано взаимодействие формы и содержания, способствующее возникновению семантических ассоциаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 202-205. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В китайской лингвокультуре наблюдается обратная ситуация: повышенный интерес к внутренним органам человеческого организма. Фразеологизмы с компонентами *кишка / кишки, печень, желчный пузырь, желудок, легкие, селезенка* в китайском языке представлены значительно шире, чем в русском. Например, в представлении носителя китайского языка большинство фразеологизмов с лексемой 肝 (*печень*) обозначают состояние гнева, с лексемой 肠 (*кишка*) используются для описания характера человека, 胆 (*желчный пузырь*) имеет символическое значение ‘храбрость’, 胃 (*желудок*) – ‘аппетит’, 肺 (*легкие*) – ‘равнодушие’, 脾 (*селезенка*) – ‘черта характера’. В русском языке фразеологизмы с компонентами *желудок, желчный пузырь, легкие и селезенка* не обнаружены.

Список литературы

1. Ахмади М., Садат-Махмудян С. Национально-культурные характеристики русских и персидских устойчивых словосочетаний с компонентом «фрука» // Молодой ученый. 2014. № 13. С. 295-298.
2. **Большой китайско-русский словарь по русской графической системе:** в 4-х т. Около 250 000 слов и выражений / АН СССР. Институт востоковедения. М.: ГРВЛ, 1983-1984.
3. **Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы /** под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2005. 864 с.
4. **Го Синь-и.** Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 187 с.
5. 周纪生主编, **俄汉成语词典.** 湖北人民出版社. 1984. (Русско-китайский фразеологический словарь / под ред. Чжоу ци шэн. Народное издательство в Хубэй, 1984. 722 с.)

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT “ABDOMINAL CAVITY ORGANS”
IN THE RUSSIAN AND CHINESE LINGUISTIC CULTURES**

Chzhen Guantsze, Ph. D. in Philology
Jiangsu Normal University, China
ouliya0920@hotmail.com

The article is devoted to the analysis of the Russian and Chinese phraseological units with the components that relate to human internal organs. Phraseological units with the component “abdominal cavity organs” are practically absent in the Russian culture, while there are a lot of them in the Chinese culture. Our task is to analyze what caused such a different ratio of the objects under consideration in two cultures, and how it affected their phraseological fund.

Key words and phrases: phraseological unit; lexeme; human internal organ; the Russian culture; the Chinese culture.

УДК 811.111'342.4/8; 801.632

Филологические науки

В настоящей статье рассматривается экспрессивность языковых единиц разных уровней в аспекте ее связи со звукоизобразительностью языка с точки зрения плана выражения и создания так называемой фонетической коннотации, возникающей на основе фоники текстов, написанных посредством фоностилистических приемов. На конкретном языковом материале показано взаимодействие формы и содержания, способствующее возникновению семантических ассоциаций.

Ключевые слова и фразы: экспрессивность; фоника; звукоизобразительность; план выражения; план содержания; фоностилизация; коннотация; семантическая ассоциация.

Чукарькова Ольга Владимировна

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
chukarkovaov@mail.ru*

**ЭКСПРЕССИВНОСТЬ ПЛАНА ВЫРАЖЕНИЯ КАК ОСНОВА
ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ КОННОТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)[©]**

Понятие коннотации является одним из дискуссионных вопросов современной лингвистики. Сегодня можно выделить несколько основных направлений исследования этой проблемы: семиотическое (Л. Ельмслев, Р. Барт), психолингвистическое (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская, Р. Ромметвейт), лингвистическое (Ш. Балли, И. А. Ефимов, Д. Н. Шмелев, В. Н. Телия). Безусловно, в каждом из них коннотация трактуется в особых аспектах, в связи с чем, ее нельзя не рассматривать как «один из наиболее диффузных лингвистических концептов» [8, с. 3].

В основе концепта коннотации лежит идея дополнительной информации, мнение о том, что коннотация – это всегда неденотативный компонент лексического значения (второстепенная сема, окраска, ореол) [7, с. 259].

Другим центральным аспектом понятия коннотации является ее связь с экспрессией как прагматическая интерпретация знака в общем смысле. Эта характеристика коннотации сближает ее с идеей ассоциации, трактуемой в языкознании как семантическая. Семантическая ассоциация, как правило, аскиологична, поскольку она является продуктом «антропометрического в своей основе отношения к действительности» [8, с. 4]. Благодаря субъективно-ориентированному характеру коннотации в ней можно вычленить особую микроструктуру, включающую: эмотивность (эмоциональность), оценочность, образность. Все данные компоненты лексической семантики напрямую связаны с экспрессией, поскольку посредством их кодированно выражается эмоциональное состояние говорящего, его отношение к адресату, объекту и предмету речи, к коммуникативной ситуации [10, с. 13].

В работе «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» В. Н. Телия подробно рассматривает такие мотивирующие основания коннотации, как план содержания лексики (смысловая внутренняя форма, создающая экспрессивную окраску) и внешняя (звуковая) форма языкового знака [8].

Во внешней форме могут проявляться все микрокомпоненты структуры коннотации. Звукоизобразительный мотив коннотации, прежде всего, сконцентрирован на фонемном ярусе. Как известно, существует статистически подтвержденный символизм некоторых фонем, например гласных при противопоставлении низких и высоких (по тону и тембру) для выражения понятий «большой» и «малый»: «...в детской эмоциональной речи: “грома-а-а-дный слон (низкий тон)”, но “mä-älенький комарик” (высокий тон)» [4, с. 4]. По словам А. М. Газова-Гинзберга, символика такой корреляции основана на аналогии: большие тела, как правило, издают более низкий звук, что в нетоновых языках может быть выражено только противопоставлением гласных как символов полярных значений, например, *бум*, *бом*, *дон* (изображение звучания большого колокола) – *бим*, *динь*, *дзинь* (маленький) [Там же]; в англистике противопоставляются гласные [i], [e], [F] – [P], [L], [R], [H].

Эмотивная символика гласных прослеживается в назализации для выражения некоторых эмоций [1], например, манера говорить «в нос», а также низкие гласные по тону и тембру для выражения презрения, недовольства или отвращения (*pooh*, *yuck*, *disgusting*, *nasty*, *scum* – выражения нетерпения, раздражения, неодобрения; ср.: *hey*, *hi*, *hurray* – возгласы, выражающие радость, приятное изумление, содержащие высокие по тону гласные) (*здесь и далее вне цитирования примеры подобраны автором статьи* – О. Ч.). О вопросе символизации звуков речи как выраженности того или иного коннотативного признака известно немало (растягивание и сокращение слов при передаче долгого – быстрого действия: *хо-одит*, *хо-одит... но как... бросится!* или *прыг*, *шасть!* и т.п. [4, с. 4]), или, как пишет А. Е. Кибрик, «...удлинение гласного – для передачи идеи удаленности от говорящего (ср. русский разговорный язык): [там] – [таам]; сходным образом обстоит дело во многих северокавказских языках, например в лезгинском, где противопоставлены указательные местоимения *at'a* (“тот далекий”) – *aat'a* (“тот очень далекий”), *aha* (“тот далеко внизу”) – *aaha* (“тот очень далеко внизу”))» [5, с. 2].

В фонестеме, понимаемой как сочетание звуков, с которым более или менее отчетливо ассоциируется некоторое содержание или значение, наблюдается ассоциативная связь фонемного и морфемного ярусов. Как известно, Д. Болинджер отмечал некоторые тенденции выражения определенных понятий посредством фонем, например, *gl-* для идей, входящих в лексико-семантическую группу «свет» (*glow* – светиться, *glisten* – искриться, *glimmer* – мерцать), а также для основанной на метонимическом переносе родственной группы «смотреть» (*glimpse* – бегло взглянуть, *glare* – пристально смотреть, *glance* – бросить взгляд) [11].

Ингерентная звуковая экспрессивность затрагивает на морфемном уровне ряд аспектов, некоторые из которых на основе звукового тона напрямую связаны с передачей символики «большого – малого» посредством аффиксов со звукоизобразительным потенциалом, например, категория рода: «...представители мужского пола у человека (и большинства зверей и птиц), как правило, крупнее представительниц женского пола, и голос у первых ниже, чем у вторых» [4, с. 60]. Во многих языках мужская форма не имеет специального суффикса, а женская обладает суффиксом с включением *i* или других переднеязычных гласных, символическая связь которых с понятием «малый» отмечалась выше. На материале английского языка подобные тенденции прослеживаются при образовании личных имен: *Paul* – *Pauline*, *Joseph* – *Josephina*. Из области нарицательных существительных приведем следующие примеры: *nix* / водяной эльф – *nixie* / русалка, *lion* / лев – *lioness* / львица и т.п.

Следующий аспект ингерентной экспрессивности языковых единиц, выраженный на морфемном уровне, – это уменьшительно-ласкательные суффиксы, например: *-en* в названиях детенышей (*chicken* / цыпленок, *kitten* / котенок); *-ing* (*duckling* / утенок, *eanling* / ягненок, *hogling* / поросенок); *-et* (*piglet* / поросенок), восходящие к двум исконным диминутивным формантам (*-kin*, *-lin*). По словам Е. А. Либерт [6], в германских языках прослеживается звукоизобразительный характер диминутивов, например, в нижнесаксонских диалектах имена *Maike*, *Gerke* и фамилии *Lübke*, *Rilke*, а также в нижненемецких диалектах *Jungeken* / мальчишечка, *Mäken* / девчушка, а «южнонидерландские памятники XVI в. содержат такие формы, как *traenken* ‘слезка’, *vaerkenenmoerken* ‘папаша и мамаша’» [Там же, с. 9]. Во всех вышеперечисленных примерах нетрудно заметить присутствие гласных, традиционно репрезентирующих понятие «малый» благодаря своей звукоизобразительной силе, являющейся одним из мотивов создания данной коннотации, развивающейся впоследствии один из аспектов диминутивности – «милый, прелестный».

Говоря об экспрессивной потенции звукоизобразительности, нельзя не коснуться формы множественного числа, также репрезентируемой на морфемном уровне. Общеязыковая тенденция выражать множественность стремится к удлинению по сравнению с формами единственного числа. Помимо добавления аффикса, множественное число в разных языках образуется посредством полного или частичного повторения слова,

а также растягивания элементов: «...увеличение количества звука явно символизирует количественное умножение объекта» [4, с. 10], например: южноарабский *nuf* / душа – *nofof* / души; англ. *child* / ребенок – *children* / дети; *ox* / бык – *oxen* / быки, *this* [DIs] / этот – *these* [DJz] / эти [Там же].

На лексическом уровне принято выделять два пласта лексики, характеризующейся фонетической коннотацией: звукоподражательный и звукоизобразительный.

В 1969 г. С. В. Воронин предлагает классификацию англоязычных ономастов относительно их акустических денотатов [2]. Фонетический символизм ономастов выражается в том, что звуковые элементы отражают психоакустические характеристики денотата [3, с. 69]. Так, например, взрывной характер фонематипа репрезентирует удар или краткость звучания (*tap* / легкий стук, *clap* / хлопок); наличие аффриката встречается в ономастах, обозначающих чавканье (*munch* / чавкать, *crunch* / грызть, *champ* / хрупать, *squelch* / хлюпанье); латеральные и лабиальные звуки, как правило, передают движение воздуха или воды (*leak* / течь, *flow* / струиться). Гласные звуки в составе фонематипа ономаста являются показателем высоты и громкости звучания денотата (*pip* / пищать, *peep* / чирикать, *squeak* / визжать, *blare* / реветь, *flare* / внезапный громкий звук, *roar* / рычать, орать).

Если в основу звукоизобразительной лексики положен звучащий денотат, т.е. звук, то звуко-символическая лексика формируется под действием неакустического денотата – не-звука (термин С. В. Воронина) – посредством отражения его характеристик. Восприятие данных признаков представляет собой ощущения различных модальностей, за исключением слуховой. О. Есперсен утверждал, что звуко-символические слова, как правило, выражают движение, внешний вид, размер и форму вещей, удаленность предметов, а также эмоциональные оценки говорящего, например, отвращение или недовольство [12, р. 399]. Так, например, лексика с ярко выраженной негативной и пейоративной коннотацией имеет в составе звуковой оболочки элемент сходный с фонемами [n], [N], напрямую связанными с произвольными фонациями, сопровождающими различные психические состояния (плохое самочувствие, отвращение), однако при этом данная лексика не является звукоподражательной: *nausea* / тошнота, *rank* / вонючий, *stink* / вонь. Говоря об образности как о микрокомпоненте коннотации, В. Н. Телия подчеркивает, что в создании коннотации наряду с внутренней формой принимает участие и внешняя форма как *tertium comparationis*: «прагматический эффект может быть вызван и внешней формой наименования или отрезка текста: ср. слова типа *абракадабра*, *кавардак*, *башибузук* <...> или же звукопись...» [8, с. 70].

Посредством фоностилистики на уровне текста реализуется языковая звукоизобразительность. Наблюдается ассоциативная связь формы и содержания на примере различных текстов, например, в детской литературе, поэзии, прозе, рекламе.

В авторской фоностиликтике текста возникает фонетическая коннотация благодаря ассоциативному переосмыслению фонемы. В основе этого переосмысления лежат тропы (звуковые метафоры, метонимии), влияющие на образность восприятия плана выражения, например, рекламный текст, посвященный губной помаде, содержащий многочисленные повторы лабиальных звуков: *Perfect your beautiful pout with Boosting Lippy Lip Balm from The Body Shop. It oozes moisture and gorgeous hues.* / Усиьте объем Ваших губ при помощи помады *Boosting Lippy Lip Balm*, которую можно приобрести в магазине *The Body Shop*. Сочное увлажнение и великолепные оттенки (*здесь и далее перевод автора статьи – О. Ч.*). Приведем другой пример текста, характеризующегося фонетической коннотацией. Звук [г] традиционно ассоциируется с резким, энергичным движением благодаря своей артикуляции:

Roughly runs the raging torrent / Over rocks and crags abhorrant, / Rolling rapid with a roar / Bursting on the rugged shore [13, р. 61]. / Резко сбегает стремительный поток / по скалам и утесам, / с ревом проносит он вниз, / врываясь на шероховатый берег.

Составляющие фонетического уровня (фонемы, фонестемы) посредством плана выражения фоностиликтических приемов текста принимают участие в создании адгерентной экспрессивности. Звуки речи в силу присущей им артикуляции, усиленной фоностиликтическими приемами, играют мотивирующую роль в ассоциативно-образном представлении при формировании коннотации: «Внутренняя и внешняя формы слов (выражений, высказываний, отрезков текста и даже целых художественных произведений) могут служить мотивом для ценностной интерпретации и оценки с позиции личностно-прагматического восприятия и тем самым для осознания возможности воздействовать и на потенциального реципиента, используя (воспроизводя) выражения, содержащие сущности такого рода, в надежде на повторение того впечатления, которое испытал сам говорящий» [8, с. 72].

Звукоизобразительность присуща языку как системе. В работе «Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики» А. А. Уфимцева подчеркивает, что в определенной степени лексическое значение (как различие денотации и коннотации) свойственно всей языковой системе [9, с. 94].

Адгерентный характер экспрессивности основан на аккумуляции ингерентной потенции звукоизобразительности языкового знака создавать те или иные коннотации. Этот потенциал прослеживается на разных уровнях языковой системы, достигая существенной выразительности посредством звукового символизма фоностиликтики на уровне текста.

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр.; вступ. ст. В. Г. Гака. Изд-е 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2009. 232 с.
2. Воронин С. В. Английские ономасты (типы и строение): дисс. ... к. филол. н. Л., 1969. 584 с.
3. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006. 242 с.
4. Газов-Гинзберг А. М. Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. М.: Наука, 1974. 121 с.

5. Кибрик А. Е. Иконичность [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IKONICHNOST.html?page=0,1 (дата обращения: 11.07.2015).
6. Либерт Е. А. Типология суффикальных диминутивных моделей в западногерманских языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2012. 21 с.
7. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
8. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
9. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1966. 239 с.
10. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. 91 с.
11. Bolinger D. L. Forms of English: accent, morpheme, order. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. 334 p.
12. Jespersen O. Language, its nature, development and origin. London: Allen & Unwin, 1949. 448 p.
13. Michell J. Euphonics: a poet's dictionary of sounds. Windetts – Kirstead – Norfolk: Frontier Publishing, 1988. 83 p.

EXPRESSIVENESS OF THE PLANE OF EXPRESSION AS A FOUNDATION OF A SOUND-DESCRIPTIVE CONNOTATION (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

Chukar'kova Ol'ga Vladimirovna

St. Tikhon's Orthodox University

chukarkovaov@mail.ru

The article examines the expressiveness of linguistic units of various levels in the aspect of its connection with sound description of the language from the viewpoint of the plane of expression and formation of a so-called connotation, appearing on the basis of the euphony of texts, written with the help of phonostylistic techniques. The interaction of the form and content is shown on the concrete linguistic material, contributing to the appearance of semantic associations.

Key words and phrases: expressiveness; euphony; sound description; plane of expression; plane of content; phonostylistics; connotation; semantic association.

УДК 81

Филологические науки

В статье раскрываются понятия «регламент» и «регламентирующий документ», которые приобретают новые признаки в связи с широким взаимодействием деловой среды с различными областями деятельности. Рассматриваются композиционные и лексические особенности текстов регламентирующих документов, функционирующих в рамках системы менеджмента качества. Привлекает особое внимание проблема адаптации языковых элементов, наполняющих современный документный текст, в зависимости от коммуникационной среды. Анализируется состав терминологических единиц, присутствующих в текстах регламентов системы менеджмента качества, закономерности их появления и адаптации.

Ключевые слова и фразы: регламентирующий документ; регламент; регламентирование управленческой деятельности; система менеджмента качества; процедура управления процессом; бизнес-процесс.

Шарипова Роза Рифатовна

Волгоградский государственный университет

sharipova_rose@mail333.com

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ©

Одной из основных управленческих функций является организационная, которая включает в себя регламентацию деятельности организации в целом, а также ее отдельных структурных единиц и должностных лиц. Эта функция реализуется путем издания организационных и распорядительных документов, таких как положение, должностная инструкция, правила, регламент. Систематизации и упорядочению процесса управления способствует создание системы регламентирующих документов, отражающих отдельные бизнес-процессы и порядок их осуществления.

Понятие «регламентирующий» идентично понятию «регламентационный» [4].

Для определения понятий «регламент» и «регламентирующий документ» обратимся к Большому толковому словарю русского языка, согласно которому: «**Регламент** [франц. *reglement* от *regle* – правило] – это:

1. Правила, регулирующие порядок проведения какой-л. работы или деятельности какого-л. учреждения, организации. *Соблюдать принятый р. Установить р. работ по сборке сложного изделия.*

2. Время, отведенное на собрании для выступления, обсуждения и т.п. *Ограничить р. выступления до пяти минут (пятью минутами). Нарушить р. Выйти за пределы регламента.* < Регламентный (см.).

Регламентировать, -рую, -руешь; св. и нсв. подчинить – подчинять установленным правилам, ввести в определённые рамки; ограничить. *Р. Порядок ведения съезда строго регламентирован.* < Регламентироваться,